

**«Смерть можно будет побороть...»
(танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского)**

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрыто, как личная драма писателя отразилась в его романе «Братья Карамазовы». Неожиданная смерть трехлетнего сына 16 мая 1878 года стала трагическим потрясением для супругов Достоевских. Причины его кончины до сих пор не прояснены: отсутствует критический анализ документальных источников, не установлен диагноз, описанные симптомы (жар, диарея, рвота) могут относиться к нескольким детским болезням, недостоверны семейные предания о болезни. Паломничество Достоевского в Оптину Пустынь имело, наряду с творческим интересом к сюжету нового романа, личную причину. Писатель стремился туда, чтобы в сороковой день кончины проститься с земной жизнью младенца Алексея, но опоздал. В поездке состоялся важный разговор Достоевского с Владимиром Соловьевым, в котором писатель раскрыл замысел будущего романа: Церковь «как положительный общественный идеал». После паломничества Достоевского в Оптину Пустынь его роман обрел окончательные очертания. Танатологические мотивы в произведении вбирают в себя сцены в монастыре, «коллекцию фактов» Ивана Карамазова, смерть старца Зосимы, болезнь и смерть его брата Маркела, Илюши Снегирева, других героев. Эти мотивы играют ключевую роль, образуя поэтическую идею романа. Танатологическая тема романа пасхальна. Достоевский написал роман, в котором выразил не просто событие, а смысл бытия: в лице Алексея Федоровича Карамазова он воскресил сына в имени и прообразе умершего Алексея Федоровича Достоевского. Каждым имяславием и имяславию героя Достоевский возглашал бессмертие сына.

Ключевые слова: Достоевский, Алексей Федорович Достоевский, биография, болезнь, смерть, Оптина Пустынь, роман, танатологический сюжет, пасхальная идея, воскресение, литература

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда РФ в рамках научного проекта № 21-18-00481 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Захаров В. Н. «Смерть можно будет побороть...» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. –. DOI: 10.15393/j10.art.YYYY.6361. EDN: ZHBAVO

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.YYYY.6361

EDN: ZHBAVO

“Death Itself May be Overcome...”
(Thanatological Plot in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky)

Vladimir N. Zakharov

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The article reveals how the writer’s personal drama was reflected in his novel “The Brothers Karamazov.” The unexpected death of their three-year-old son on May 16, 1878 was a tragic shock for the Dostoevskys. The causes of his death have not yet been clarified: there is no critical analysis of documentary sources, no diagnosis has been made, the described symptoms (fever, diarrhea, vomiting) may be related to several childhood diseases, family legends about the disease are unreliable. Dostoevsky’s pilgrimage to the Optina Hermitage had a personal reason along with his creative interest in the plot of the new novel. The writer sought to say goodbye to the earthly life of baby Alexey on the fortieth day of his death at Optina, but he was late. During the trip, Dostoevsky had an important conversation with Vladimir Solovyov, in which the writer revealed the idea of his future novel: the Church “as a positive social ideal.” After Dostoevsky’s pilgrimage to the Optina Hermitage, his novel took final shape. The thanatological motifs in the work include scenes in the monastery, Ivan Karamazov’s “collection of facts,” the death of elder Zosima, the illness and death of his brother Markel, Ilyusha Snegirev, and other heroes. These motifs play a key role in forming the poetic idea of the novel. The thanatological theme of the novel has Easter significance. Dostoevsky wrote a novel in which he not merely describe an event, he articulated the meaning of being: in the person of Alexey Fyodorovich Karamazov, he resurrected his son in the name and prototype of the deceased Alexei Fyodorovich Dostoevsky. With every proclamation and glorification of the hero, Dostoevsky proclaimed the immortality of his son.

Keywords: Dostoevsky, Alexey Fyodorovich Dostoevsky, biography, illness, death, Optina Hermitage, novel, thanatological plot, Easter idea, resurrection, literature

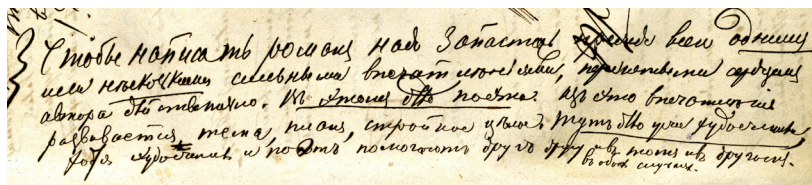
Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number № 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, The Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zakharov V. N. “Death Itself May be Overcome...” (Thanatological Plot in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. –. DOI: 10.15393/j10.art.YYYY.6361. EDN: ZHBAVO (In Russ.)

Достоевский признавался:

«Чтобы написать романъ надо запастись прежде всего однимъ или нѣсколькими сильными впечатльнiями, пережитыми сердцемъ автора действительно. Въ этомъ дѣло поэта. Изъ это<го> впечатльнiя развивается[,] тема, планъ, стройное цѣлое. Тутъ дѣло уже художника, хотя художникъ и поэтъ помогаютъ другъ другу и въ томъ и въ другомъ {въ обоихъ случаяхъ}»¹.

В связи с тем, что печатные издания искажают графику², текст цитируется по рукописи. Для наглядности приведу фрагмент подлинника.

Илл. 1. Фрагмент из рукописи к роману «Подросток». РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 15

Fig. 1. Fragment from the manuscript for the novel “A Raw Youth” (Russian State Archive of Literature and Art. F. 212.1.12. P. 15)

«Делом поэта» Достоевский называл эмоциональное выражение замысла, идеи романа, сочинение лица героя; «делом художника» было развитие «темы, плана, стройного целого», разработка характеров, фабулы, композиции, сцен.

Многие «сильные впечатления, пережитые сердцем автора действительно», известны, — но не все.

Одним из явных и одновременно скрытых личных и творческих переживаний писателя стала семейная трагедия — смерть младшего сына Алеши. Она случилась 16 мая 1878 года. Казалось, ничто не предвещало беду. Как вспоминала Анна Григорьевна, младенец был «здоров и весел»³, врачи не разглядели смертельной болезни, не смогли определить диагноз. Убитый горем отец позже винил себя в том, что «ребенок погиб от эпилепсии, болезни, от него унаследованной» (Достоевская: 374).

¹ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 15.

² Литературное наследство. Том 77. Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. М.: Наука, 1965. С. 64; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1977. С. 10.

³ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 373. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевская* и указанием страницы в круглых скобках.

По воспоминаниям Анны Григорьевны, болезнь и смерть Алеши случились в один и тот же день:

«16го Мая 1878 года нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Леша. Ничто не предвещало постигшего нас горя: ребенок был все время здоров и весел. Утром, в день смерти, он еще лепетал на своем не всем понятном языке и громко смеялся с старушкой Прохоровной, приехавшей к нам погостить пред нашим отъездом в Старую Руссу. Вдруг личико ребенка стало подергиваться легкою судорогою; няня приняла это за родимчик, случающийся иногда у детей, когда у них идут зубы; у него же именно в это время стали выходить коренные. Я очень испугалась и тотчас пригласила всегда лечившего у нас детского доктора, Гр. А. Чошина, который жил неподалеку и немедленно пришел к нам. По-видимому, он не придал особенного значения болезни; что-то прописал и уверил, что родимчик скоро пройдет. Но так как судороги продолжались, то я разбудила Феодора Михайловича, который страшно обеспокоился. Мы решили обратиться к специалисту по нервным болезням и я отправилась к профессору Успенскому» (*Достоевская*: 374).

Врач осмотрел ребенка и успокоил мать:

«Не плачьте, не беспокойтесь, это скоро пройдет!»

Она не знала, что положение сына было безнадежно и началась агония, которую по просьбе мужа скрыл доктор. Когда наступила смерть, отец «поцаловал младенца, три раза его перекрестил и навзрыд заплакал», она тоже рыдала, «горько плакали и наши детки, так любившие нашего милого Лешу» (*Достоевская*: 374).

Анна Григорьевна привела в воспоминаниях неполное описание события. Из ее дневниковой записи в день смерти сына следует, что болезнь сына началась значительно раньше:

«Онъ заболѣлъ въ первый разъ на святой недѣлѣ въ пятницу 28 Апрѣля былъ жарокъ, скверно ходилъ, рвало очень часто, плохо спалъ и ѣлъ. 30го Апрѣля былъ припадокъ родимчика продолжавшійся 4 минуты. Затѣмъ прохворалъ дня 4, но потомъ совершенно поправился, и былъ веселъ, много ѣлъ, спалъ отлично, рвота прекратилась, но жарокъ появлялся черезъ 3-4 дня, былъ напр. 12 Мая, 14го и наконецъ 16го. Ночь передъ смертью спалъ отлично, но вечеромъ легъ задумчивый»⁴.

Болезнь не была неожиданной: 28 апреля началась температура («жарок»), «рвало очень часто», было расстройство кишечника, ребенок «плохо спал

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания об Алеше (1878). URL: <https://philolog.petrus.ru/agdost/vospomin/vospomin.htm> (18.08.2022).

и ел». 30 апреля в течение 4 минут был припадок родимчика. Ребенок прохворал еще четыре дня, «выздоровел», но периодически у него появлялся жар, который был 12-го, 14-го и в день смерти — 16 мая 1878 г.

Симптомы, которые описывала Анна Григорьевна, типичны для разных детских болезней, но для эпилепсии нетипичны диарея и рвота. В любом случае причины болезни и смерти младенца не установлены: отсутствует критический анализ источников, не выявлены врачебные ошибки, не определен медицинский диагноз, симптомы могут относиться к нескольким детским болезням, анализы не брали, вскрытие не производили, семейным преданием стала версия об эпилепсии.

Такова эмпирика трагического события.

Илл. 2. Посмертное фото Алексея Федоровича Достоевского (ГЛМ)

Fig. 2. Posthumous photo of Alexey Fyodorovich Dostoevsky (State Literary Museum)

Смерть Алеша имела литературное развитие не только в поздних литературных мемуарах вдовы писателя, но и в ее дневниковой записи от 16 мая 1878 года. В тот день Анна Григорьевна записала несколько обширных фрагментов о короткой жизни, болезни и смерти сына. Начала она с того, как Леша на своем детском языке звал себя и старших сестру и брата: «Седя» (Федя), «Лиля» (Люба), «Леля» (Леша). Она составила подробный детский словарь, записала обороты речи, привычки, мистические события накануне смерти, вспомнила восторг ребенка от поездки в Москву, обстоятельства болезни и смерти сына⁵.

Позже она признавалась:

«Многие мои сомнения, мысли и даже слова запечатлены Федором Михайловичем в "Братьях Карамазовых" в главе «Верующие бабы», где потерявшая своего ребенка женщина рассказывает о своем горе старцу Зосиме» (Достоевская: 374).

⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания об Алеше (1878). Указ. соч.

В этих признаниях слышатся горестные переживания не только матери умершего ребенка, но и отца:

«Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отец, по сыночку. <...>. Вот точно он тут предо мной стоит, не отходит. Душу мне иссушил. Посмотрю на его бельишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. <...> И хотя бы я только взглянула на него лишь разочек, только один разочек на него мне бы опять поглядеть, и не подошла бы к нему, не промолвила, в углу бы притаилась, только бы минуточку едину повидать, послыхать его, как он играет на дворе, придет бывало крикнет своим голосочком: "Мамка, где ты?" Только б услышать-то мне как он по комнате своими ножками пройдет разик, всего бы только разик, ножками-то своими тук-тук, да так часто, часто, помню как бывало бежит ко мне, кричит да смеется, только б я его ножки-то услышала, услышала бы, признала! Да нет его, батюшка, нет, и не услышу его никогда! Вот его поясочек, а его-то и нет и никогда-то мне теперь не видать, не слышать его!..»⁶.

В утешениях старца сказаны главные слова о смерти младенца:

«Ведь жив он, жив, ибо жива душа вовеки и нет его в доме, а он невидимо подле вас» (Д18, 13: 44).

В двадцатых числах мая после похорон Алеши Достоевские выехали в Старую Руссу. Накануне отъезда Анна Григорьевна уговорила Владимира Соловьева вместе с мужем посетить Оптину Пустынь, о посещении которой Достоевский давно мечтал.

Почти полгода супруги прожили в Старой Руссе и вернулись в Петербург в середине ноября 1878 г. В Старой Руссе были сделаны траурные фотографии мужа и жены работы петербургского и старорусского фотографа Н. А. Лоренковича.

По мнению Б. Н. Тихомирова, эти *парные* фотографии образуют «своеобразный диптих», передают «реальный трагизм», производят «самое сильное впечатление во всей иконографии писателя»:

«Взгляд Достоевского из-под тяжело нависающих бровей сумрачен и черват вопросами о безвинных детских страданиях, которыми в его новом романе будет мучиться Иван Карамазов. Взгляд Анны Григорьевны повторяет выражение мужа, но с еще более трагически-потерянным оттенком» [Тихомиров, 2009: 99].

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 13. С. 43–44. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д18 и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках

Вместе с тем фотографии «глубоко интимны»:

«...в отличие от предшествующих фотографий работы Н. Досса и последующих работы К. Шапиро, которые Достоевский широко дарил своим родным и знакомым, неизвестно *ни одного* снимка работы Н. Лоренковича, который писатель подарил кому бы то ни было. В этом неслучайном факте усматривается тот глубоко интимный подтекст, каким для четы Достоевских обладали старорусские фотографии лета 1878 года» [Тихомиров, 2009: 116].

Илл. 3–4. Фотографии Ф. М. и А. Г. Достоевских. Фотоателье Н. А. Лоренковича. 1878. Старая Русса (ГЛМ)

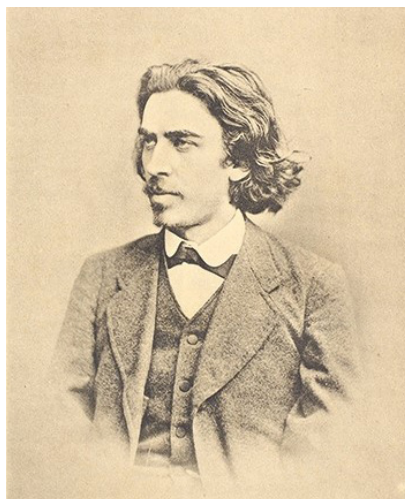
Fig. 3–4. Photographs by Fyodor and Anna Dostoevskys. Photo studio of N. A. Lorenkovich. 1878. Staraya Russa (State Literary Museum)

17–18 июня Достоевский на две недели выехал из Старой Руссы в Москву и Оптину Пустынь. В начале июля он вернулся домой. Скорее всего, фотографии сделаны в первый месяц после смерти сына. Из Оптиной он приехал уже в другом настроении, согласно воспоминаниям Анны Григорьевны:

«Феодор Михайлович вернулся из Пустыни значительно успокоенный и как бы просветленный духом и много рассказывал мне про свои беседы со старцем. Феодор Михайлович *не* говел в Пустыни, но со старцем говорил как бы на духу, открывая ему свою душу как на исповеди и высказывая старцу все сомнения, его обуревавшие. <...> Я должна признать, что Феодор

Михайлович вынес из общения со старцем умиленное и возвышающее душу впечатление» (цит. по: [Андрианова, Тихомиров, 2019: 258]).

Обстоятельства поездки недостаточно изучены в критической литературе. Большинство сведений известно из писем Ф. М. Достоевского, из очерков В. С. Соловьева, из воспоминаний и писем А. Г. Достоевской. Незаслуженным доверием исследователей пользуются псевдомемуары Д. И. Стахеева, который в Оптиной Пустыни не был, с Львом Толстым, Достоевским и Владимиром Соловьевым по поводу их поездок не общался, из того, что слышал, не всё понял, многое сочинил и переврал, но опубликовал свои заметки в январском номере «Исторического Вестника» за 1907 г.⁷ Авторы ключевых исследований ([Котельников], [Беловолов]) упустили из виду воспоминания юриста, критика и публициста П. А. Матвеева, который обратил внимание на ошибочность суждений Д. И. Стахеева⁸. Именно Матвеев 25–27 июля 1877 г. содействовал поездке Толстого и Страхова в Оптину Пустынь. Год спустя он сам побывал в Оптиной через несколько дней после поездки туда Достоевского и Соловьева, которая состоялась 25–27 июня 1878 г. Об их пребывании в монастыре ему рассказывали сами оптинские старцы. Новые источники ([Дмитриев], [Захаров, 2016], [Андрианова], [Андрианова, Тихомиров], [Тихомиров, 2020]) изменили сложившееся ранее представление о поездке Достоевского и Соловьева в Оптину Пустынь.

Илл. 5. Фото В. С. Соловьева 1870-х годов. Из открытых источников

Fig. 5. Photo by V. S. Solovyov in the 1870s. From open sources

⁷ Стахеев Д. И. Группы и портреты: (листочки воспоминаний) // Исторический Вестник. 1907. Т. 107. Январь–февраль. С. 81–94.

⁸ Матвеев П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной Пустыни // Исторический Вестник. 1907. № 4. С. 151–157.

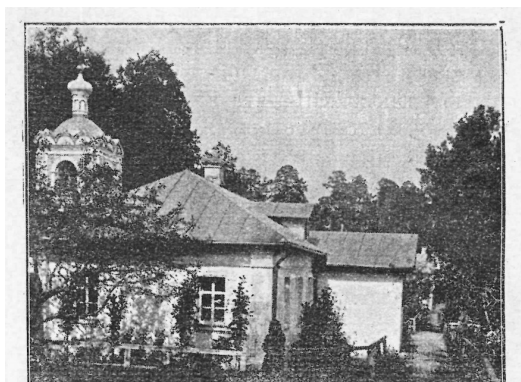
В поездке в Оптину Пустынь состоялся важный диалог, который нашел свое отражение в «Трех речах в память Достоевского» Владимира Соловьева. Спутник Достоевского свидетельствовал, что писатель «в кратких чертах» изложил ему «главную мысль и план своего нового произведения»:

«Церковь, как положительный общественный идеал, должна была явиться центральной идеей нового романа или ряда романов, из которых написан только первый, "Братья Карамазовы"»⁹.

Анна Григорьевна не случайно назвала путешествие в Оптину «историей "блужданий"» (*Достоевская*: 375). Понадеявшись на Соловьева, Достоевский не разведал точный путь, который оказался значительно дольше, чем предполагалось: из Москвы по железной дороге выехали в пятницу 23 июня, в 300 верстах сошли на станции Сергиево, дорога до Козельска, наполовину проселочная, оказалась 120 верст (на 85 верст больше, чем рассчитывали) (*Д18*, 16₂: 75).

Дело в том, что у Достоевского была еще одна причина паломнической поездки: он стремился в Оптину, чтобы быть на службе в монастыре в сороковой день кончины сына, проститься с земной жизнью младенца, но не успел, опоздав на сутки (см.: [Беловолов, 71–72], [Тихомиров, 2020: 139]).

В Пустыни паломники «были двое суток» (*Д18*, 16₂: 75), в течение которых Достоевский трижды встречался и беседовал со старцем Амвросием — «раз в толпе, при народе, и два раза наедине» — и вынес из его беседы «глубокое и проникновенное впечатление» (*Достоевская*: 375).

Илл. 6–7. Фото старца Амвросия и дом, в котором он жил. Из открытых источников

Fig. 6–7. Photo of Elder Ambrose and the house in which he lived. From open sources

⁹ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского. 1881–1883 // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. М., 1990. С. 40.

Обратно путники возвращались той же дорогой, «на тех же лошадях и ехали опять два дня, итого, считая со днем выезда, ровно *семь дней*» (Д18, 16₂: 75).

Как вспоминала Анна Григорьевна, Достоевский вернулся из Оптиной Пустыни «как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал» ей «про обычаи Пустыни» (Достоевская: 375), с тех пор пошла усиленная работа над романом, который обрел окончательные очертания.

Танатологическая тема играет в романе ключевую роль. Она вбирает в себя сцены в монастыре, коллекцию фактов и «альбом воспоминаний» Ивана Карамазова, смерть старца Зосимы, болезнь и смерть его брата Маркела, болезнь и смерть Илюши Снегирева.

Одну из сцен предсмертной болезни Илюши сопровождает «дикий шепот» русского Иова — капитана Снегирева: «Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика!» (Д18, 14: 166). Никто не хочет «других» вместо умерших или замученных детей. К этой сцене следует прибавить болезнь, смерть и воскресение Алексея Федоровича Достоевского. Этот комплекс мотивов образует поэтическую идею романа, которая реализована в его сюжете.

Достоевский приезжал в Оптину Пустынь, чтобы отметить сороковины Алеши, рассказал Владимиру Соловьеву идею будущего романа: представить Церковь как положительный общественный идеал, узнал старчество как явление в русском иночестве и жизни, в «делом поэта» и «делом художника» воскресил умершего сына, воплотив главного героя романа в раннем человеколюбце Алексее Федоровиче Карамазове. В этом ему помогала — не только стенографировала, но и творила вместе с ним — Анна Григорьевна, которой и посвящен роман.

Владимир Соловьев не был прототипом Алексея Федоровича Карамазова, как полагала гимназическая подруга Анны Григорьевны М. Н. Стоюнина. По этому поводу Анна Григорьевна даже резко возразила: «...не в лице Алеши, а вот уже скорее в лице Ивана он изображен!»¹⁰. Кому, как не помощнице и соавтору писателя, узнавать или, наоборот, не признавать прототипы его героев.

Не прототипом, а прообразом в романе был Алексей Федорович Достоевский.

Автор не случайно назвал героя именем умершего сына:

«За многими сценами романа стоят личные впечатления и переживания автора. Одно из них — неожиданная смерть 16 мая 1878 г. младшего сына Алеши, здорового и веселого мальчика. В память о нем назван главный герой романа "Братья Карамазовы"» [Захаров, 2004: 354].

¹⁰ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников: [сборник / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова]. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 202.

Об этом я писал в 2004-м и последующие годы [Захаров, 2007: 706; 2013: 423].

До недавнего времени это была всего лишь гипотеза. Сейчас догадка подтверждена найденными и опубликованными недавно признаниями Анны Григорьевны, которая, отвечая на вопросы о пребывании Достоевского в Оптиной Пустыни, писала впускнику Московской Духовной академии В. Е. Троицкому:

«Считаю нужным сообщить, что летом 1878 г. Феодор Михайлович находился в чрезмерно грустном и подавленном настроении: 16 мая этого года скончался наш трехлетний сын Алеша (**в честь его назван Алешей младший Карамазов**) и его смерть от внезапно проявившейся в нем эпилепсии, (очевидно, унаследованной им от отца) чрезвычайно поразила и огорчила Феодора Михайловича» (выделено мной. — В. З.) (цит. по:[Андрианова, Тихомиров: 257]).

Если дать прямой ответ на вопрос, кем стал Алексей Федорович Достоевский в романе «Братья Карамазовы», мой ответ очевиден: Алексеем Федоровичем Карамазовым.

После погребения Илюши Алексей Федорович произнес речь, на которую с восторгом откликнулись сначала Коля Красоткин, а потом и мальчишки:

«Ура Карамазову!»

Коля спрашивает Алешу:

«...неужели и взаправду религия говорит что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, — радостно расскажем друг другу всё что было, полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша» (Д18, 14: 340).

Каждым имясловием и имяславием героя Достоевский возглашал бессмертие сына.

В русском языке есть два слова с понятными значениями: имясловие как провозглашение имени (и терминология», по Далю¹¹) и имяславие как его прославление. В XX в. имяславие как присутствие Бога в имени стало догматической категорией и вызвало яростные богословские споры в Православии. Это новое значение не имеет отношения к тезаурусу Достоевского. Слово употреблено мной в прямом смысле.

Танатологическая тема романа пасхальна.

О переживании смерти ребенка писали многие. Подобную утрату пережили Лев Толстой и С. А. Толстая: 23 февраля 1895 г. умер их сын Ванечка.

¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 411.

26 февраля отец отметил в дневнике: «Похоронили Ванечку. Ужасное — нет, не ужасное, а великое духовное событие»¹². Софья Андреевна написала свои «Воспоминания о Ванечке». Для Толстых смерть сына имела глубоко религиозный и интимный смысл.

Реакция Достоевского на утрату сына незаурядна. Он написал роман, в котором гениально выразил не просто событие жизни, а смысл бытия: в лице Алексея Федоровича Карамазова воскресил умершего сына — Алексея Федоровича Достоевского.

В названии статьи приведены слова Б. Пастернака из романа «Доктор Живаго». В стихотворении героя «На Страстной» канун Пасхи предвосхищает чудо:

Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья¹³.

Таким чудом и «усилением Воскресенья» для Достоевского стало творчество. Христиане знают: Христос воскрес, душа бессмертна. Достоевский сделал бессмертными своих героев

Список литературы

1. Андрианова И. С. Из неизвестных мемуаров. Анна Достоевская о старце Амвросии (по рассказам Ф. М. Достоевского и Ф. Н. Орнатского) // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 1. С. 93–107 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461236859.pdf (18.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2601
2. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Неизвестный источник о пребывании Ф. М. Достоевского в Оптиной Пустыни // Достоевский и мировая культура: петербургский альманах. СПб.: Серебряный век, 2019. № 37. С. 249–261.
3. Беловолов Г., свящ. Оптинские предания о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Вып. 14. С. 301–312.
4. Дмитриев А. П. Достоевский и оптинские насельники (забытое газетное свидетельство 1881 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.optina.ru/pub/p20/> (18.08.2022).
5. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; [сост., подгот. текстов В. Н. Захарова]. М.: Воскресенье, 2004. Т. 14. С. 345–357.
6. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / РАН, Ин-т мировой лит., Комис. по изуч. творчества Ф. М. Достоевского; под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 694–710.
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Захаров В. Н. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // Неизвестный Достоевский. 2016. № 1. С. 58–70 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (18.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / под общ. ред. В. Г. Черткова. Дневники и записные книжки. 1895–1899. М.: ГИХЛ, 1953. С. 10.

¹³ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. / в 11 т. / сост., коммент, Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово, 2004. Т. 4: Доктор Живаго. С. 518.

9. Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература (статья вторая) // Русская литература. 1989. № 3. С. 3–31.
10. Тихомиров Б. Н. Прижизненная иконография Достоевского. 1847–1881 // Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре: [альбом] / авт.-сост.: Н. Ашимбаева и др. СПб.: Кузнецкий переулочек, 2009. С. 33–117.
11. Тихомиров Б. Н. Еще один «оптинский комментарий» к роману «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 135–145. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-1-135-145

References

1. Andrianova I. S. From Unknown Memoirs. Anna Dostoevskaya About Elder Ambrose of Optina (Based on the Stories of Fyodor Dostoevsky and F. N. Ornatsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 93–107. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461236859.pdf (accessed on August 18, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2601. (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. An Unknown Source About the Stay of F. M. Dostoevsky in Optina Pustyn. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: peterburgskiy al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Petersburg Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2019, no. 37, pp. 249–261. (In Russ.)
3. Belovolov G., Priest. Optina Legends About Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, issue 14, pp. 301–312. (In Russ.)
4. Dmitriev A. P. *Dostoevskiy i optinskie nasel'niki (zabytoe gazetnoe svidetel'stvo 1881 g.) [Dostoevsky and the Inhabitants of Optina (a Forgotten Newspaper Report from 1881)]*. Available at: <http://www.optina.ru/pub/p20/> (accessed on August 18, 2022). (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Hosanna in a Hearth of Doubts. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols]*. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004, vol. 14, pp. 345–357. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Hosanna in a Hearth of Doubts. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: sovremennoe sostoyanie izucheniya [Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": The Current State of Study]*. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 694–710. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. From the Forgotten Memoirs. P. Matveev About F. Dostoevsky, N. Strakhov, L. Tolstoy. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2016, no. 1, pp. 58–70. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (accessed on August 18, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621. (In Russ.)
9. Kotel'nikov V. A. Optina Pustyn and Russian Literature (Article Two). In: *Russkaya literatura*, 1989, no. 3, pp. 3–31. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. Lifetime Iconography of Dostoevsky. 1847–1881. In: *Obraz Dostoevskogo v fotografiyakh, zhivopisi, grafike, skulpture: al'bom [The Image of Dostoevsky in Photos, Paintings, Drawings, Sculpture: Album]*. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulochek Publ., 2009, pp. 33–117. (In Russ.)
11. Tikhomirov B. N. Another Commentary from Optina Pustyn on the Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2020, no. 1 (9), pp. 135–145. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-1-135-145. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru);

Vladimir N. Zakharov, PhD (Philology), Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 2022

Принята к публикации / Accepted 2022

Дата публикации / Date of publication 2022